

ПАМЯТЬ «ПОЭТА ДАЛЕКО ЗАВОДИТ РЕЧЬ...»

10 лет прошло со дня смерти Владимира Семеновича Высоцкого...

10 лет назад, когда у всех что-то разом оборвалось, стало до боли ясно, какое место занимал Высоцкий в жизни современников. Самые высокие, самые святые слова, произносившиеся на всенародной тризне, не показались преувеличенными.

Он не заклинал, не воспевал, не обличал современность. То есть все это можно найти в песнях, но лишь отчасти эти вещи обозначают природу неповторимого дара. Владимир Высоцкий — один из всех — выговаривал русскую жизнь как она есть: в ее цельности, в ее сути, в ее растерзанности, в ее непокорности.

Для России он был не только поэтом, певцом, актером — **органом речи**. Не творцом, но воплощением языка: пусть растерзанного, изломанного, чудовищно обедневшего. Языка, отторгнувшего пласты запроданных и затрепанных «высоких понятий», полюбившего низменное, площадное слово: да, именно такого. Языка сломанного, но в голосе Высоцкого, в хрипе гласных и в невыносимой певучести согласных —

вспоминавшего о своем могуществе.

То, что открытая гортань хрипела, а **пелось** со стиснутыми зубами — ничего не скажешь — символ. Так жила Россия.

Сегодня Высоцкий прославлен, но вряд ли понят. Обожествление и способность понимать редко идут рука об руку.

Его творчество — не только

одна из самых неоспоримых ценностей нашей современной жизни, оно занимает свое место в истории русской культуры. И нельзя понять Высоцкого вне ее контекста: вне «Слова о полку Игореве», вне звенящих и kloкочущих од Гавриила Державина, вне философской лирики Федора Тютчева...

Цитата из тютчевского «Цирона» — «Блажен, кто посе-

тил сей мир в его минуты роковые...» — стала названием выставки, открывшейся в зале Советского фонда культуры на этой неделе. Эта выставка — одна из первых серьезных попыток увидеть «планету Высоцкого» в космосе русской культуры. Вдуматься в законы небесной механики.

Вместе с тем, определив тему выставки как «Высоцкий в контексте русской культуры», ее авторы поставили перед собой колоссальную задачу, ибо частью этой культуры были не только книги и мысли великих, но только страницы, заложённые опальным поэтом, но и — куда деться от этого! — были и организаторы этой опалы, были издательства, отказывавшиеся печатать, записывать песни на пластинках. А разве не были ее же составной частью никем не разрешенные концерты, самиздат и магнитофон, песни, выученные и спетые под расстроенную гитару мальчишками в каком-нибудь захлапленном дворике? И в этом уже — контекст времени, которому авторы выставки придают реальный, осязаемый смысл. И если архитектура — это застывшая музыка, то понятая широко, со всеми своими храмами, мав-

золеями, хрущобами, архитектурными излишествами, разрисованными и заклеенными плакатами заборами, выставками достижений — это застывшее время. И потому выставка строится архитектурно, на ней есть проспекты, площади, переулки и тупики, тупики.

«Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним, мне есть, чем оправдаться перед Ним», — мог уверенно говорить о себе Высоцкий. Но во всем, или почти во всем, что было сказано о нем за последние десять лет, чувствовалось желание именно оправдаться и невозможность сделать это. Авторы выставки руководствуются не столько эмоциями и страстями, сколько желанием понять Высоцкого именно как орган речи, естественный в такой России и в таком времени. Может быть, экспозиция местами слишком усложнена, может быть, немного давит жесткая схема замысла — так, что авторов в ней оказывается больше, нежели того, кому она посвящена. Но, видимо, пока еще никто не может сказать слова, которые могли бы заключить в себя всего Высоцкого, весь его талант, все противоречия России, времени, города, культуры, языка, его самого...

С. БЕДНОВ.